

ТОЛСТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 150

Татьяна СОТНИКОВА,
кандидат филологических наук

Лев Толстой и Леонид Андреев

великом учителе. Он считал чтение сочинений Толстого наряду со статьями Д. Писарева начальным «моментом сознательного отношения к книге», тем сильным умственным толчком, вследствие которого он «сделался социологом, философом, естественником и всем остальным».

В беседе с Л. Гроссманом Андреев сказал: «Особенное значение имели для меня в эти годы ученичества Лев Толстой и Гаршин. У них-то я и научился рассказывать и писать. Их считаю до сих пор нашими лучшими повествователями, самыми увлекательными и возбуждающими. Трудно писать «интереснее» их. Знаю, что моя манера иная, и все же скольким я обязан им».

Конечно, нельзя делать безоговорочных выводов лишь на основании самопризнаний писателя о влиянии или литературном ученичестве у другого писателя. Трудно, например, судить о прямом влиянии Толстого по рассказам первого сборника Андреева. Зато в таких произведениях, как «Губернатор», где изображен одумавшийся государственный деятель, или «Христиане», это влияние очевидно. Вся сцена суда, особенно отношение членов суда, присяжных заседателей, прокурора и защитника, в рассказе «Христиане» к живо-

дней после выхода в свет «Рассказа о семи повешенных», и поэтому рассказ Андреева никак не мог быть навеян именно этой статьей. Вместе с тем из переписки писателей ясно, что, создавая рассказ, Андреев довольно хорошо осознавал свое сближение с толстовской позицией.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

У меня есть «Рассказ о семи повешенных», который я очень хотел бы посвятить Вам, и прошу на это Вашего доброго согласия. Сейчас рассказ напечатан в «Альманахе», изд. «Шиповник», а с 1-го января 1909 г. я отказываюсь от права авторской на него собственности, предоставляя издавать его всякому желающему...

Я хорошо знаю крупные художественные недочеты рассказа, во многом сам решительно им недоволен, и в оправдание свое могу привести только то, что я был нездоров, когда писал, и очень торопился. Думалось, что пусть лучше художественные недостатки, но только выпустить теперь же, так как молчать нельзя. И если сейчас я осмеливаюсь просить Вас о разрешении посвятить рассказ вам, то лишь потому, что полная искренность лежит в основе его. С глубокой болью писал я, и не рассказ, который плох, а свою боль приношу Вам, человеку, всю жизнь мою, с самых ранних лет, стоявшему надо мною, как воплощение совести и правды».

Важное место в творчестве Толстого и Андреева занимают вопросы, связанные с природой человеческого разума, с его возможностями в области познания. Андреев любил называть себя философом, социологом, естественником. Уже в первых своих рассказах он затрагивал основные мировоззренческие вопросы. В трактовке этих проблем Андреев выступал продолжателем традиций Толстого и Чехова.

Толстой еще после получения первой книги рассказов Андреева собирался встретиться с ним. Однако личное знакомство состоялось лишь через девять лет, хотя Андреев все эти годы стремился в Ясную Поляну, не раз даже договаривался и получал приглашения Толстого приехать.

Основной причиной, помешавшей встрече сразу после первого письма, явились произведения Андреева «Бездна» и «В тумане», а также письмо Софьи Андреевны Толстой в редакцию газеты «Новое время», где она, назвав скандальную статью критика В. Буренина с обвинениями Андреева в порнографии «прекрасной», призвала «не читать, не прославлять, не раскупать» сочинений господ Андреевых».

Процесс освобождения человека от разума, победу инстинкта над интеллектом показывает Андреев в рассказах «Бездна», «В тумане», «Тьма». Толстой рассказ «Бездна» не понравился. Андреев же, прочитав резкий отзыв Толстого об этом своем произведении, в тот же день писал А. А. Измайлову: «Читали, конечно, как обругал меня Толстой за «Бездну»? Напрасно это он — «Бездна» родная дочь его «Крейцеровой сонаты», хоть и побочная».

В рассказе «В тумане» Андреев показывает, как семейные отношения, неправильное воспитание в среде образованных классов, узаконенная проституция развращают нравственно и физически молодежь.

Толстой признал этот рассказ Андреева полезным и даже одобрил выступления критики против письма супруги. В статье «В Ясной Поляне» Скриба (Е. Соловьев) пишет о беседе с Толстым по поводу нашумевшего рассказа и письма С. А. Толстой:

«Пришлось в сущности ответить на массу писем в редакцию, которые вызвала рассказ.

— Какие письма? — спросил Толстой.

— Почти такие же, какие поместила Софья Андреевна в «Новом времени». Я возражал, как мог...

— Это вот следовало сделать. Андрееву ли, или кому другому, во всяком случае следовало указать на факт этой ранней похотливости и того отвратительного выхода, который она себе находит. У Андреева это сделано грубовато, но в общем хорошо».

Толстой, как мы видим, принял, хотя и с оговоркой, рассказ Андреева «В тумане». Вдумываясь в различное отношение Толстого к двум рассказам Андреева, за которые критика «Нового времени» осудила его как «порнографа», можно прийти к выводу, что возмутил Толстого рассказ «Бездна» не темой, не изображением темных сторон жизни, а неясностью авторской позиции и — главное — нежизненностью, неправдивостью ситуации, отсутствием достаточной психологической мотивировки поступков героя.

21 и 22 апреля 1910 года Андреев провел в Ясной Поляне. На всех ее обитателей он произвел прекрасное впечатление. Андреев рассказывал Толстому содержание некоторых своих произведений, в том числе драмы «Анатэма», которой Толстой заинтересовался. Беседовали они и о кинематографе, которым увлекался в то время Андреев, а Толстой даже собирался начать писать сценарий. Беседовали также о современных поэтах. Вопрос о достоинстве и недостатках творчества Андреева при этом почти не затрагивался, хотя Толстой перечитал к приезду писателя многие его произведения. Содержание беседы, которую вели Толстой и Андреев наедине, осталось неизвестным.

О своей поездке в Ясную Поляну Андреев рассказал в интервью сотруднику газеты «Утро России» сразу же после возвращения, а позже, уже после смерти Толстого, в статье «За полгода до смерти».

13 ноября 1910 года в большом зале Петербургской консерватории состоялось торжественное собрание обществу Толстого, посвященное памяти Толстого. Андреев был приглашен на собрание, где должен был выступить с речью о Толстом. Но так как запрещалось говорить об отлучении писателя от церкви, об отношении Толстого к правительству, о его протесте против смертной казни, то Андреев, подготовив выступление, накануне написал организаторам о своем отказе, который мотивировал запретами и репрессиями правительства.

Он заканчивает свое письмо так: «...я только следую заветам великого Толстого, который требовал от людей во всех обстоятельствах их жизни прямоты и правды. Не может быть прямоты и правды там, где искренняя и наиболее горячая любовь к почившему натывается на обнаженную шашку жандарма, а вдохновение ораторов вводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия».

Антиправительственное письмо Андреева не было зачитано на вечере. Полностью оно было опубликовано в газетах. Революционно настроенные студенты пытались его использовать как прокламацию.

Приведенные документы помогают еще раз выявить творческие связи этих писателей. Несмотря на разные художественные принципы и различие в миропонимании, несмотря на «декадентство» Андреева, Толстой сохранил особый интерес к его творчеству, так как во многом их поиски шли в близких направлениях. Влияние Толстого распространялось даже на тех писателей, которые стояли на нереалистических позициях. Эти факты дают возможность говорить о значительной роли Толстого в литературном движении начала XX века.

ВОПРОСЫ, мучительно решавшиеся в творчестве Толстого, волновали и других писателей конца XIX — начала XX века.

Толстой был непревзойденным авторитетом, общественной совестью, огромной нравственной силой и поддержкой.

Самым любимым из молодых литераторов этого периода был для Толстого Куприн. Толстой высоко ценил стихийный реализм этого писателя; его знание солдатской жизни и «развращенной городской среды», его художественную верность натуре. Но если самым любимым был для Толстого Куприн, то наиболее читаемым — Андреев, который вошел в литературу в самом начале XX века, вошел сразу как признанный талант. Рождение нового писателя заметил Толстой, хотя был тяжело болен. Он прочитал почти все рассказы из первого сборника Андреева еще до того, как получил от автора книгу. 30 декабря 1901 года Толстой писал Андрееву:

«Благодарю вас, Леонид Николаевич, за присылку вашей книги. Я уже прежде присылки прочел почти все рассказы, из которых многие очень понравились мне. Больше всех мне понравился рассказ «Жили-были», но конец, плач обоим, мне кажется неестественным и ненужным.

Надеюсь когда-нибудь увидаться с вами, и тогда, если вам это интересно, скажу более подробно о достоинствах ваших писаний и их недостатках. В письме это слишком трудно».

Известны еще три письма и одна телеграмма Толстого к Андрееву и три письма и одна телеграмма Андреева к Толстому.

Толстой (он делал это часто, читая сочинения молодых литераторов) выставил к рассказам первого сборника Андреева оценки. Не понравились Толстому и оценены баллами 1 и 0 рассказы «Ангелочек» и «Ложь». Оценка 5 выставлена к рассказам «Жили-были», «Рассказ о Сергее Петровиче», «В темную даль», к третьей главе рассказа «Молчание». Высшей оценки 5+ был удостоен рассказ «Валая». Художественная слабость многих рассказов Андреева, по мнению Толстого, заключалась в отходе от реализма и сближении с декадансом, в искусственности и оригинальничании, в попытках «написать что-нибудь необыкновенное».

Андреев внимательно следил за появляющимися в печати отзывами Толстого о своих

Л. Н. ТОЛСТОЙ и Л. Н. АНДРЕЕВ в Ясной Поляне. 1910 г.
Фото В. Ф. БУЛГАКОВА

произведениях. Он, конечно, очень хорошо знал об отрицательном отношении Толстого к многим своим рассказам, знал о подвеченных — в несколько искаженном виде — словах Толстого по поводу его произведений: «Он пугает, а мне не страшно», и о том, что Толстой противопоставляет ему Куприна как истинного писателя.

Тем не менее, несмотря на резкость многих толстовских отзывов, Андреев не считал возможным скрывать их от читателя. В 1912 году литературовед А. Е. Грузинский, просмотрев библиотеку Толстого в Ясной Поляне, обратился к Андрееву с вопросом: не возражает ли он против обнародования заметок Толстого на его книги? Андреев ответил: «Конечно, и речи не может быть о том, чтобы я так или иначе был против обнародования заметок Льва Николаевича. Мои ли это книги, или другие чьи-либо, но раз они дали повод высказаться Льву Толстому — все соображения должны отпасть перед значительностью и важностью слов [Льва] Николаевича».

Андреев всегда говорил и писал о Толстом как о своем

му человеку, даже в отдельных деталях напоминает суд в «Воскресении».

В творчестве Толстого и Андреева есть общие темы. Оба писателя выступили против русско-японской войны. В 1904 году Толстой отозвался на это событие публицистической статьей («Одумайтесь!» и другие). Андреев написал антиимпериалистическую повесть «Красный смех» и в связи с этим писал Толстому: «...Я очень счастлив, что могу послать Вам рассказ, который при всех своих многочисленных недостатках, по своей основной теме близок к тому, чему Вы учили людей последние года и что еще недавно нашло выражение в Вашем письме против войны. Я первый раз в жизни сознательно переживаю войну, и то, что я увидел, так отвратительно и так страшно, что не находит слов это выразить».

Толстому посвящает Андреев «Рассказ о семи повешенных». В письме к Горькому от 28 марта 1912 года Андреев говорит о том, что рассказ навеян толстовской статьей «Не могу молчать», написанной как протест против смертной казни. Однако статья Толстого была начата через семь